

- В деревне ночами так темно, что нельзя рассмотреть собственную ладонь. Даже если поднести ее прямо к лицу – вот так. Смотри, смотри – вот так. Если кто-то отпилит тебе палец, ты даже не заметишь. Проснешься утром, а у кровати лужа крови. – Девчачий голос звучал глухо, нагонял ужас перед сном.
- В темноте можно все подменить, и ты ничего не узнаешь. Проснешься, будешь думать, что твои вещи настоящие. – Второй голос не спешил, раскладывал слова. – Вещи настоящие, дом, в котором ты живешь, настоящий.
- Мы настоящие.
- Да, а на самом деле тебе все только кажется.
- И родителей можно подменить? – Третий голосок вибрировал от волнения.
- Конечно, все что угодно. Даже душу можно украсть. Скрипнула кровать – это, наверное, Ева заворочалась, навели страх на пятилетку:
- Перестаньте! Вы специально меня пугаете!
- Можно украсть судьбу!
- И что тогда? Я умру?
- Нет, ты будешь жить не свою жизнь.
- А чью жизнь я буду жить?
- Тебе достанутся чужие проблемы, а вор заберет всю твою радость.
- Да! Это как за ужином все будут есть мороженое, а ты – оливки.

– Фу.

- Всю жизнь есть только оливки.
 - Замолчите! Я все маме расскажу. – Голосок совсем истончился, обрывался на гласных.
- Данила резко открыл дверь от себя, и та заскребла разошедшимся краем по деревянному полу. Визг и крики, комната встала на дыбы, казалось, стены, мебель, окна орали.
- Да замолчите вы! Спать пора, хватит. Иначе выключу ночник.
 - Нет, нет, не надо, пап!
 - Мы молчим, все!
 - Накажи их, папа!

Данила пожалел младшую. Проследил, чтобы старшая – Маринка – и ее подружка, которая приехала в гости на неделю, укрылись одеялами и отвернулись каждая к своей стене. Когда скрип кровати замолк, он притворил дверь. Глупые девчонки, двенадцать лет – дурной возраст. Думают, что бесстрашные, а сами в одиночку до туалета пятнадцать метров добежать не могут. Данила вышел на крыльцо и закурил. Первый день в деревне после трех лет отсутствия. И еще весь август впереди.

Небо было чистое, схваченное наискосок морозной коркой Млечного Пути. В конце улицы брехала собака. Почему-то в голову пришло именно это слово – «брехала». Казалось, всю жизнь можно было прожить так – рубить дрова, топить баню, вставить

с рассветом, купаться в речке, верить в страшилки, смотреть на небо перед сном. Завтра они с девочками поедут кататься на квадроцикле по полям, Лида будет солить огурцы и готовить обед – тихое счастье, с мозолями на руках, с землей под ногтями. Приятно дышалось сырым и тяжелым из-за тягучего цветочного запаха воздухом. Данила закурил еще одну. Он подносил сигарету ко рту, и огонек между пальцами вспыхивал, будто рад был кому-то, а потом затухал, обознавшись.

Данила задрал голову и нашел созвездие Лебедя. Когда-то на крыльце дома читать звезды его научил дед. И всякий раз, оказавшись на этих скрипучих ступенях, Данила искал глазами знакомые точки на небе, будто бы сверяя часы. Деда уже нет. А Лебедь и он пока на месте.

Шея затекла, Данила покачал головой вправо, влево и заметил огонек. Свет был метрах в пятнадцати и находился на краю участка или сразу же за сетчатым забором. Может быть, это его сигарета отражается в стеклянной теплице? Данила поднял руку ко рту и затянулся – напротив без движения. Не отблеск, значит, а что? «Наверное, светлячок», – подумал Данила и затушил сигарету. Огонек с той стороны продолжал светиться, раскачиваться вверх, вниз.

Данила зашел в дом, на кухне достал из холодильника кефир и сделал пару глотков прямо из бутылки. Спиной ощутил на себе взгляд – он помнил это чувство с самого детства. Старая, потускневшая икона Николая Угодника следила за ним. Ей, поговаривали, больше ста лет, вроде бы бабка принесла из храма, перед тем как тот разрушили. Она учила Данилу общаться со святыми, для этого люди изобрели специальный язык – церковнославянский. Данила никогда не был верующим, но 50-й псалом он запомнил. Его восхищали и пугали слова «возрадуются кости смиренныя», «избави мя от кровей», «благоволиши жертву правды». Он неловко перекрестился, не сразу вспоминая, как это делается, выключил свет и выглянул во двор. Было темно. Только брехали собаки, и ветер носил их лай по деревне.

В деревенском доме обжилось и никуда не хотело уходить прошлое. Оно пряталось то в запахах чердачной пыли и чего-то церковного от иконы, то в скрипе дверных петель, а иногда было совсем на виду. Вот отметины на дверном косяке – зарубки каждое лето вырезал ножом дед, когда измерял рост внука. На верхних полках шкафа лежали старые аль-

бомы – кирпичи памяти. Данила подхватил их неаккуратно, уронил – и прошлое высыпало на деревянный пол, упало под ноги десятками фотокарточек, залетело под стол. Выглядело так, словно дерево сбросило листья. И что теперь с этим делать? Данила сгреб фотографии в кучу, начал распахивать по ячейкам, путая года и сезоны.

Сама собой вернулась традиция оставаться на кухне после ужина и рассказывать истории. Так же было и в детстве Данилы – бабушка любила пугать его быличками. Разливала по чашкам горячий, прямо с плиты, кисель и заводила разговор. А наболтавшись вдоволь, заканчивала всегда так: «Наговорили с короб, набрались страху?» – и гнала его с дедом по кроватям. Теперь он занял ее место. Девчонки слушали жадно, хрустели чипсами. За городской едой ходили в местный магазин. Как и тридцать лет назад, там собиралась вся деревня. Старухи, не зная отдыха, разносили сплетни: взялся продукты в пакете поправить – и заслушался.

– Все, что в Библии написано, в точности исполняется. И про времена эти там есть. Про коронавирус этот, и про пекло летнее, и про пожары. Телевизор хоть не включай, – басила толстая старуха, занимавшая отдельную лавочку. Она время от времени ударяла об асфальт тростью – отбивала точки. – Там и про деревню нашу написано. Все-все в Библии есть.

– Скоро придет божий суд, – поддакивал бородатый дед. – Кто в городах живет – погибнут, а в деревне кое-кто и останется.

– Только бы не было голода. Боясь я его, – причитала тощая.

– Слышали, анекдот был? «Я живу в Африке. Мы ходим голые и едим бананы». «Я живу в Москве. Если бы мы ели бананы, то тоже ходили бы голые», – засмеялся дед.

А вечером Данила вспоминал историю про деревенского оборотня. Она звучала в его голове бабушкиным голосом: «Повадился в деревню ходить из леса. Начали пропадать куры. На лисиц подумали, а потом нашли след свежий, так он с детскую ладонь размером. А тут на опушке в сумерках подслеповатая старуха увидела странное существо – похожее на человека, но с руками длинными до колен и волчьей мордой. Кто посмеивался, кто верил. А потом пропал мальчик. Днем ушел играть на опушку у дома, посыпал дождь, его мать к обеду ждет, а он не возвращается. Спихватилась, а нет нигде. Обегала все дома, добилась к председателю, тот мужиков ей дал, пошли в лес. Вернулись ни с чем. Все на оборотня подумали. Люди как не свои были. Мне то-

менит. Ерунда какая-то. Откуда она это взяла? Тут еще этот сосед-алкаш.

После шумных сборов Данила остался дома один. К часу дня пришли трое: первый – крупный, бритый ежиком, с потным лицом, второй – худой и вертлявый, третий – квадратный. Все в спортивных куртках, как из девяностых. Данила увидел их еще с улицы. Они шли, тяжело наступая на землю, как бы втаптывая следы. Калитка бахнула от удара. Данила пошел открывать.

– Поговорить надо, – сказало мясистое, потное лицо.

Данила попытался выйти к ним, его впихнули обратно и вошли на участок.

– А ты намеков не понимаешь? – спросил худой и вертлявый.

– Да все он понял. Сидит, нас ждет, да? – неприятно улыбнулся потный. – Ты давай быстро впитывай, что тебе говорят, нам тут базланишь долго некогда. Это наша земля. Понял?

– Что? Что?

– Смотри, несообразительный какой, – переминался с ноги на ногу тощий.

– Вы кто вообще? Это... Это дом мой. Я тут еще раб-енком... ребенком рос.

– Дом может быть чей угодно. А земля наша, – сказал тощий, кривляясь, выкручивая голову, по-совиному кладя ее на бок. – Может, ему того, помочь додуматься? – спросил он у потного.

Тот качнул головой – пока не время, – достал из кармана сложенную в два раза бумажку и протянул ее Даниле. Это был документ собственности на землю. Участок якобы принадлежал некоему Гаспитарову Артуру Валерьевичу.

– Я запомнил эту фамилию. И вас запомнил. У вас будут проблемы.

– Мужик, мужик, мужик! Мужик, послушай сюда. Ты не понял, мы здесь проблема.

Квадратный, который весь разговор стоял в стороне, закурил и показал пальцем на дом:

– Ночи-то хороши сейчас на крыльце курить.

Данила вспомнил огонек на границе участка, который видел в первую ночь.

– Так это... Вы давно за нами следите?

– Собраться надо, вещи вывезти, – игнорируя Данилу, продолжал потный, – мы не звери, понимаем. Неделя у тебя есть. Потом не обижайся, тебя предупредили.

– Что? Что потом?

Они развернулись и пошли к калитке, все так же тяжело ступая.

– Что потом? – заорал Данила вне себя от ярости и бессилия.

– Места здесь нехорошие, пожары случаются часто, – сказал квадратный и кинул окурочок под ноги.

Данила застыл: он не мог ни о чем думать, не мог понять значения произошедшего, не мог заметить, что сухая трава затлела и начала дымить. Ощущение собственного тела ему вернул громкий удар по забору и какой-то далекий крик.

– Погоришь, дурень, – заорал сосед и бросился открывать летний водопровод.

Данила, почувствовав суету, присоединился к ней бессознательно. Когда возгорание потушили, на улице собрались зеваки. За их спинами вдалеке появились фигуры жены и детей, возвращавшихся с прогулки.

Менты ехали часов пять. Поскучали у уазика, поскучали во дворе, позадавали вопросы. «Сколько их было?», «Какого цвета куртка у главного?», «Имущество повредили какое-нибудь? То есть ничего не пропало? Может, разбили что?», «А где они стояли, покажите конкретно», «С акцентом говорили?», «Встаньте у места поджога, сейчас вас сфоткаю для протокола», «Вы сначала подпишите, прочитаете потом. У нас столько вызовов, не задерживайте».

– Так а что нам делать? – спросил Данила, когда полицейские садились в машину. – Они мне документ показывали. Он поддельный!

– Может, поддельный, а может, нет, – сказал один из ментов. Подумав, добавил: – А дома в округе и правда горят. Осторожней.

* * *

Данила будто превратился в другого человека, сам себя не узнавал. Откуда-то появилась резкость в движениях, взгляд стал тяжелым, про такой бабка говорила «нет приветствия в глазах». Ночи пошли сплошь беспокойные: ветка в окно стукнула – кто-то ломится; машина с дороги посветила фарами – всполохи огня.

Жизнь в деревне стала в тягость. В магазин больше ездить не хотелось, там обсуждали их. Смотрели в упор – каждое движение на людской суд. Сочувствовали радостно. Вступали в разговор охотно, но близко не подходили, соблюдали дистанцию. Деревенские суеверные, считали, что неудачей можно заразиться, в них боролось любопытство с опасливостью.

Данила с Лидой теперь выходили во двор поговорить, чтобы не пугать детей. Жене он сказал, что какие-то хулиганы ворвались на участок и подожгли траву. Больше ничем не поделился, не смог. Но

стал готовить семью к скорому отъезду. Придумал в качестве предлога ремонт. И это бегство волновало Лиду сильней всего – она чувствовала, что не хулиганы причиной тому, но не понимала, кто именно.

Хуже дела обстояли с Евой. Она уловила общую нервозность, стала плаксивой и капризной.

– Ты изменился, – вдруг сказала Данила за завтраком, – я тебя не узнаю!

Ходила возбужденная, нервная. Ночами просыпалась, совсем не могла выносить темноты. Ева, кажется, болезненно восприняла историю про украденные души и каждое утро спрашивала маму и папу.

– А что я вчера говорила вам на ночь? – И так проверяла, ее ли это родители или подменные.

Евой надо было заняться, но не хватало сил. Лида успокаивала дочь, обнимала, держала на руках чаще обычного, но этого было мало. Данила чувствовал, нужно что-то сделать, но откладывал до возвращения в город – слишком много навалилось сразу. Евочка, потерпи.

Данила несколько раз с укором смотрел на Николая Угодника – как же ты допустил? Знакомая молитва застревала комом, стало противно говорить про «жертву правды». Что это значит? И какую жертву требуют боги? Тут еще вспомнилась деревенская байка – в прошлые времена хватало жути. Снова бабкиным голосом звучала история: «Пил дядь Вова горько. Сердце обмирало, как колодил жену и детей. А младшенькую любил. Ей всегда гостинец какой припасал, то конфету, то игрушку состругает по трезвому. А перед смертью-то он все на развозях был, но ее не обижал. Сыновей до крови бил, они в школу то с синяком, то прихрамывая идут. Ее и пальцем не трогал. Все-все любил девочку: и мать, и братья, и даже старухи наши злющие. А потом она угорела. Дом вспыхнул и пропал в огне, пожарные приехали, а тушить-то уже нечего. Дым черный стоял, аж звезды заволокло. Вся деревня на улице – интересно. Рядом мать плачет, она к соседям в гости ходила. Вокруг дети. А дядь Вовы нет, решили, что с папироской уснул, вот и полыхнуло. Кинулись всех считать, а девочку найти не могут. Мать думала, что старший вынес, сыновья – что мать справилась. Когда поняли, соваться было уже поздно, дом весь занялся. Их, говорят, так и нашли вместе – дядь Вову и дочку, он во сне ее так крепко обхватил, что она не смогла выбраться. Правда, нет, а рассказывают. Ей лет пять было, когда все случилось». А на следующий день бабка возвращалась к истории: «Еще говорили, что это Сенька, – начинала с полуслова, – сред-

ний сын, ему больше всех доставалось. Он в школе плохо учился, отца этим раздражал. Говорят, это он после очередных побоев дом подпалил, только не знал, что сестра там осталась. Думал, ее мать с собой в гости взяла. А как выяснилось, он кинулся в дом, да деревенские не пустили. Он после этого в себя ушел, школу совсем забросил. Одни говорили – горюет, другие – вину чувствует». А потом подмигивала и переходила на полусшепот: «Ты же знаешь дядь Сенью?» И только тут Данила понимал, что она говорила о сельском пастухе, мужике угрюмом и нелюдимом. «Так это он?» – спрашивал Данила, и она отвечала одними глазами: «Да».

Когда он слушал эту историю в детстве, было чувство, что кто-то невидимый подходил близко, дул сзади на шею, пересчитывал позвонки – щекотно и жутко. Теперь – только тяжелый, как похмельный, страх за семью. Неизвестная девочка, погибшая в огне, была ровесницей Евы. Он запрещал себе думать дальше. Теперь они сами вот-вот станут деревенской байкой. Все ждали, чем разрешится ситуация. О том, что финал близится, знает он. Это каким-то странным образом чувствуют деревенские. Детей надо было вывозить как можно скорее. Данила собирался сделать это сразу же, но старая машина его, как назло, сломалась. Он отдал ее чинить местному мастеру, тот взялся да запил. Так прошло два дня из семи.

На третью ночь разыгрался ветер. Данила не мог уснуть и поплелся на кухню. Дежурно выглянул в окно – никого. Он нажал выключатель, но свет не зажегся. Еще и еще раз – лампочка перегорела? В коридоре тоже – сколько ни старайся, темно. Обрезали кабель? Данила выскочил на улицу и увидел, как от дерева, стоящего на границе участка, отломилась ветка и повисла на проводах. Черт, да что же такое! Данила выругался, достал пачку сигарет и закурил, смотря куда-то в темноту. Он вернулся в дом на цыпочках, стараясь не наступать на старые, скрипучие половицы, чтобы никого не разбудить. Почти дошел до спальни, когда увидел, что в детской комнате горит ночник. Как это? Данила заглянул в приоткрытую дверь, блики мерцали по стенам. Девчонки просыпались, терли глаза.

– Горим! – крикнул Данила.

* * *

Желто-оранжевый свет притягивал, на него собиралась вся деревня. Кто в чем был, бежали скорее посмотреть, огонь съедает дом быстро, с треском раскусывал бревна, как куриные косточки. Было

красиво и страшно. Высыпали все, даже мать с младенцем вышла на улицу.

– Я кормила, а тут... – показывала она на огонь, а потом подхватывала ребенка руками, укачивала.

– Ой, да кто же поджег?

– Тушили в огороде надсыс что-то. Потом приезжали менты, протокол составляли. Не поделили чего-то с кем-то. Городские, одно слово.

Клуб стариков из магазина и тут собрался вместе.

– Вот в Библии все, что написано, все исполняется. И до нас адское пламя добралось.

– Ой, как горит. Когда же пожарники будут? Скоро соседний дом займется.

– А куда им спешить? Знаешь, анекдот есть? Пьяный пожарник упал с 40-метровой пожарной лестницы, но остался невредим! Спасло то, что он поднялся только на вторую ступеньку.

Детей и жену, пересчитав буквально по головам, Данила усрал на дальний край участка. А сам встал почти на границе огня. В доме остались мебель, запасы, которые крутила Лида, игрушки девчонок, телевизор, холодильник, скрипучие кровати, старые фотографии, икона Николая Угодника, детство Данилы. Все это горело. Данила нащупал в кармане пачку сигарет и понял, что хочет закурить. Зажигалки не было, видимо, выронил где-то. Вдруг пришла идея прикурить от пожара. Как бы это было красиво. Он подбежал ближе и подпалил сигарету. Жена и дети заорали, в толпе возмущались: «Совсем отуманел, сейчас же подпалится».

Данила отошел назад, затаился и запрокинул голову. Небо заволочло тучами, ни одной звезды не видно. Нет лебедя над головой. И дома нет. В голову сама собой пришла мелодия, а вместе с ней и слова. Данила запел себе под нос: «Дом стоит, свет горит. Из окна видно да-аль. Так откуда взяла-ась, печка-а-аль?»

Пожарные приехали поздно. Данила и не надеялся ни на что: все живы – и ладно. Он подошел к семье. Старшие успокаивали Лиду, которая размазывала сопли по щекам, как это делают дети. Даниле стало совсем плохо. Он обнял жену, успокоил девчонок. Маленькая Ева сидела чуть поодаль ото всех и улыбалась. Данила сел рядом с ней на землю. Она обняла его за руку.

– Ты мой папа, – сказала она.

– Конечно, Ева, я твой папа.

– В темноте страшно. А тут свет на всю деревню, ничего не произойдет плохого, пока так светит.

Он обнял дочь за плечи и почувствовал, что сейчас заплачет.

– Вдруг погас ночник. – Ева говорила быстро, запынаясь. – А потом шаги в доме, дверь бухнула. Я испугалась, что всех вас у меня заберут.

– Все будет хорошо. Все будет хорошо. Я обещаю.

– Папа, я так испугалась. Но я всех спасла. Я всех спасла, папа, – сказала Ева, вывернувшись из его объятий и стали смотреть под ноги. Она схватила с земли и протянула ему коробок спичек. Те самые, что оставил дядя Толя на оконной раме.

– Я подсмотрела, как мама делает, и научилась. Гляди! – Ева чиркнула спичкой о бок коробки несколько раз, и между ее пальцами загорелся свет.

